

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
И АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА
ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ*

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2012 г.

Аннотация: в статье характеризуются основные группы населения юга России периода позднего Средневековья, рассматриваются органы власти в регионе, возможности сословных групп влиять на власть, реакция центральной власти на коллективные петиции населения южной окраины России.

Ключевые слова: Россия, южная окраина, XVI–XVII века, сословия, власть.

Abstract: the article characterizes main groups of population of South Russia the late Middle Ages, considered organs of power in the region, possibilities of estates groups to influence on power, reaction of a central power on collective petition of population of South Russia.

Key words: Russia, southern outskirts, XVI–XVII centuries, estates, power.

Юг России применительно к XVI–XVII вв. – район городов-крепостей «на Поле» первой половины XVII в., городов Белгородского полка второй половины XVII в., примерно соответствующий территории современного Центрального Черноземья. В XVII в. этот район был расположен на окраине России, осваивался русскими и украинцами в условиях острой внешней опасности. Внешний фактор определял специфику социальной структуры населения – высокий удельный вес служилых людей.

Истории южных уездов России в XVI–XVII вв. посвящались труды Д. И. Багалея, И. Н. Миклашевского, А. А. Новосельского, Е. В. Чистяковой, В. П. Загоровского, В. М. Важинского, Ю. А. Мизиса, О. В. Скобелкина, А. А. Гоголевой, Д. А. Ляпина, Е. В. Камараули, А. В. Перегудова, С. К. Кондратьевой и др. Исследователи рассматривали процессы заселения и освоения южной окраины, ее экономического развития, социальной структуры, деятельности центральных и местных властей. Тем не менее целый ряд вопросов истории южной окраины России в XVI–XVII вв. остаются неизученными.

В частности, недостаточно известны структура населения, состав местной власти на юге России и ее

изменение на протяжении XVII в. Актуальной исследовательской проблемой по отношению ко всем регионам, и в частности к югу России, остается изучение земских традиций, роли общества в местном управлении в XVII в. Общеизвестно, что одним из последствий Смуты начала XVII в. стало усиление власти воевод на местах, постепенное подчинение воеводской власти губных и земских изб, что означало усиление центральной власти. Какими рычагами в этих условиях располагали люди для отстаивания своих интересов, для воздействия на власть? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать особенности социальной структуры региона.

Одну из основных сословных групп населения в XVII в. на юге России, как и в городах и уездах исторического центра страны, составляли дворяне и дети боярские. Их основная функция – полковая и городская служба. Объединенные в корпорации – служилые «города» – дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением [1, 2]. Они же играли заметную роль в местном управлении в своих уездах [3].

Дворяне и дети боярские – одна из категорий служилых людей. Служилые люди юга России различались по составу. Основная их часть в XVII в. по социально-экономическому положению была близка крестьянам и посадским людям. Из массы помещиков и вотчинников выделялась служилая верхушка, которую отличали более высокие чины, должности, поместные оклады и «дачи», наличие крестьянских и бобыльских дворов.

В течение XVII в. происходил чиновный рост в дворянских корпорациях юга России. По десятням за

---

* Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, реализованных в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (проект «Русский фронт XVI–XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)», № государственного соглашения 14.В.37.21.0009.

© Глазьев В. Н., 2013

1621/22 г. в Ельце было записано 4 дворовых сына боярских, в Воронеже – 2. Все остальные – городовые дети боярские. Дворян, служивших по выбору, ни в Воронеже, ни в Ельце в 1621/22 г. не было [4, 5]. А. А. Новосельский показал, что чин выборного дворянина жаловался на основании сочетания родovitости, выслуги и хозяйственной состоятельности [6, с. 318]. Боярская книга 1627 г. отмечает появление выборных дворян в Курске: И. А. Анненков, Б. О. Виденев [7, с. 144]. В курской десятне 1636 г. уже четыре выборных – И. А. Анненков, С. Б. Виденев и К. Б. Виденев, В. А. Анненков [8, с. 77]. К концу XVII в. в Курске не только увеличилось число выборных дворян, но и появились лица, записанные в московские чины.

В середине XVII в. выборные дворяне появились в Воронеже: Т. И. Михнев, В. М. Струков. К 1689 г. наблюдается дальнейшее продвижение верхов воронежского дворянства по лестнице чинов: в годовой сметной книге 1689/90 г. отмечены четыре служилых человека, испомещенных в Воронежском уезде и записанных в московский список. Четверо дворян служили по выбору, по дворовому было записано минимум 12 человек [9].

Соотношение крестьян и служилых людей зависело от географического расположения уезда. Чем южнее – Валуйки, Старооскольский, Белгородский уезды, тем выше доля служилых людей. Служилые люди преобладали в построенных во второй трети XVII в. городах по Белгородской черте и «за чертой». В расположенных ближе к центру – Ливенском, Елецком, Курском, Лебедянском, Воронежском уездах – в первой половине XVII в. доля крестьянского населения была выше по сравнению с самыми южными, окраинными уездами [10, с. 161–166].

Особенностью структуры населения городов-крепостей «на Поле» было преобладание служилых людей, по терминологии Соборного уложения 1649 г., «меньших чинов» – станичников, стрельцов, пушкарей, городовых (полковых) казаков, затинщиков и других, более малочисленных категорий, владевших пашенной, а не поместной землей [11]. Служилые люди «по прибору» выбирали из своих рядов стрелецких, казачьих, пушкарских пятидесятников и десятников.

Посадские люди проживали в 10 из 40 городов, стоявших на Белгородской черте и в черте. Крупные посады сложились только в Воронеже, Курске и Ельце. Небольшие, но стабильные посады были в Белгороде, Козлове, Коротояке и Острогжске. В Урыве, Елифани и Землянске число посадских людей не превышало 15 человек [12, с. 16–17]. Курский посад в 1646 г. имел 270 дворов, в 1670–1680-е гг. – 538 посадских дворов [13, с. 97–98]. Составители воронежской переписной книги 1646 г. насчитали в горо-

де 85 посадских дворов [14, с. 161]. На протяжении XVII в. воронежский посад численно вырос, в конце XVII в. в него было записано более 300 дворов. Посадские люди ежегодно выбирали из своей среды земских старост [15].

Незначительная в сравнении со всем населением численность южнорусского духовенства отнюдь не соответствовала значению святителей в местном обществе. К их голосу прислушивались, они активно влияли на формирование общественного мнения. Авторитет священников и монахов был связан в том числе с их грамотностью. Процент грамотных людей среди духовенства был самым высоким. Святители свидетельствовали различные документы частного характера, в том числе фиксировавшие право владения землей.

После Смутного времени ведущей формой в местном управлении становится воеводское. Воеводы назначались из центра Разрядным приказом. После Смуты в города юга России в качестве воевод определяли стольников или московских дворян [16]. Учреждение, которым руководили воеводы, хранились документы, принимались челобитчики, допрашивались задержанные лица, называлось съезжей или приказной избой. В приказных избах городов Центрального Черноземья на протяжении XVII в. в основном работало от 2 до 4 подьячих [17].

В последние годы Смуты и сразу после нее в районе «полевых» крепостей возникали органы губной власти – губные избы. В Курске это произошло не позже 1612 г., в Ливнах – не позже 1622 г., в Ельце – не позже 1621/22 г., в Воронеже – не позже 1625 г. [18]. Основное назначение губных учреждений – борьба с уголовной преступностью. Руководство губными избами осуществлял Разбойный приказ. Весьма вероятно, что губные органы власти возникали по челобитным с мест. Тому есть примеры по другим регионам. В 1615/16 г. дворяне, дети боярские, посадские люди Устюжны добивались возобновления выборов у них губных старост, чему противодействовали назначенные из Москвы воевода и дьяк. Последние ложно утверждали, что прежде на Устюжне губных старост не было. Аргументом челобитчиков было умножение разбоев, татьбы и иного «воровства», а в том «воровстве сыску никоторого нет». Просьба жителей Устюжны была удовлетворена [19, с. 165].

В 1620–1630-е гг. не известны губные старосты в Валуйках, Старом Осколе, Белгороде. В уездах без крестьян или с незначительным крестьянским населением дела о разбоях, убийствах и татьбе были возложены на воевод. Эта практика продолжилась после 1635 г. – губными делами в большинстве городов и уездов по Белгородской черте занимались воеводы.

Губной староста – выборная должность. Выборы поручались воеводам, которые должны были собрать

в городе в определенный день представителей всех категорий населения уезда: дворян и детей боярских, духовенство, посадских людей, служилых людей «по прибору», крестьян. Собравшиеся называли имя губного старосты из числа местных дворян и детей боярских. На выборах требовалось единогласие. Если оно не достигалось, правительство могло утвердить выбор одной из сторон. С точки зрения правительства, выборы в XVII в. – это повинность для населения. Исследователи приводят факты, свидетельствующие о безразличии людей к исходам выборов.

Но было бы неверным утверждать, что население всегда равнодушно относилось к выборам губного старосты. Следует иметь в виду следующее обстоятельство. Внутри российских городов и уездов происходило соперничество отдельных групп, родов, лиц. Если говорить о дворянах и детях боярских, то их представители стремились к более высоким чинам, окладам, дачам. Шла борьба и за должности местного управления. В Курске возникло соперничество Анненковых и Веденевых в 1630–1640-х гг., в Новосили – Головиных и Шатиловых в последней трети XVII в., в Воронеже в разные годы также шла внутригородская борьба. В этих условиях равнодушия к исходу выбора быть не могло.

С точки зрения населения, о выборах губного старосты должно было знать большинство жителей города и уезда. В противном случае выборы считались незаконными, ложными. В 1640 г. козельские священники и служилые люди «по прибору» заявили, что челобитная об утверждении в городе губного старосты одного без воеводы «ложная». Она была составлена родственниками и «советниками» губного старосты: десятью дворянами и детьми боярскими и никольским попом Иваном – духовным отцом губного старосты. В челобитной сообщалось, что составлена она «от всего города», на самом деле документ писался без ведома горожан [20].

В 1642/43 г. в Курск была прислана грамота из Разбойного приказа с указанием выбрать губного старосту «всем городом». По словам курского сына боярского Ф. Молютина, Воин Анненков, «умысля с своими советниками, написал на себя выбор и отписку у себя во дворе, без городского воеводы и без воеводского. И звал меня к тому выбору руку прикладывать, и я к тому его воровскому выбору руки не приложил, потому что не всем городом его выбрали» [21].

Приведенные примеры заставляют задуматься – была ли должность губного старосты привлекательной для дворянина или сына боярского? Общие суждения по этому поводу вряд ли уместны. Все зависело от конкретной ситуации. Известны выборы в губные старосты «по недружбе», заочно, т.е. в отсутствие кандидата и без его согласия. Но в других

случаях отчетливо проявилось стремление служилого человека занять должность.

Для «правящей группы» служилого «города», верхов духовенства выборы губного старосты и пребывание на этом посту – форма участия в местном управлении, возможность влиять на важнейшую ее сферу – борьбу с разбойниками. Это альтернатива воеводской власти в конфликтных ситуациях с воеводами [22]. Для дворян и детей боярских должность губного старосты была более «спокойной», чем полковая служба. В то же время она означала определенное признание, престиж в рамках городского и уездного «мира». Обязанности губных старост не ограничивались борьбой с разбоями, убийствами и татьбой, им поручались дела иного характера: отвод и размежевание земель, сыск беглых холопов.

Следует иметь в виду, что выбор в губные старосты «лучших» дворян наносил ущерб полковой службе, особенно в период войн. В Соборном уложении 1649 г. вводилось положение – в губные старосты выбирать только отставленных от службы дворян и детей боярских или тех, вместо кого служат дети. Однако некоторые из служилых людей находили способы обойти норму Соборного уложения 1649 г. и в губные старосты попадали лица, вполне способные к полковой службе.

Губные старосты принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их чины и оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи [23]. Служилая элита могла занимать и другие должности местного управления: городских приказчиков, осадных, стрелецких, казачьих голов, таможенных и кабацких голов.

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды городских приказчиков. В их ведении находились городские укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городских приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных головах возлагались оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины.

Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным образом назначались казачьи и стрелецкие головы и сотники. Протесты населения вызывало назначение иногородних дворян в осадные, казачьи и стрелецкие головы. В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разряд жалобу на осадного голову воронежского сына боярского Л. Петрова. Они напоминали о прошлом: «При государе... Федоре Ивановиче и при царе Борисе Федоровиче всеа Руси в Курске наезжих осадных голов не бывало, а бывали... при прежних государех городские приказчики курчания дети боярские, ведали они твою государеву казну, и погреб

казенной, и житницы, и ключи городовые». Челобитчики просили, чтобы в Курске в городских приказах были курские дети боярские. Грамотой от 29 сентября 1644 г. Л. Петров был смещен с поста курского осадного головы. Курянам предлагалось *выбрать «всем городом»* осадного голову – курского сына боярского – и выбор на него прислать в Разрядный приказ [24].

Приведенное распоряжение носило частный характер. До 1646 г. в Курске осадным головой служил курский сын боярский М. Белов, замененный затем на иногороднего П. Брусилова. На место П. Брусилова претендовал курский выборный дворянин С. Г. Колугин. Обосновывая свою просьбу, он ссылаясь на «заручную» челобитную жителей южнорусских (северских и «польских») городов и уездов, поданную в связи с подготовкой Соборного уложения 1649 г. В ней сообщалось, что в тех городах «от стрелецких, и от козачих, и от осадных голов от московских и от иногородцев чинится ссора, и смута, и всякое воровство, и городским людям продажа великая». За «многия службы и смертныя раны» С. Колугин был назначен на эту должность [25, с. 196].

Местные дети боярские занимали выборные посты голов у житниц. В ряде уездов Черноземья из числа местных детей боярских выбирали таможенных и кабацких голов. Если в городах центра и севера страны таможеню и кабак (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствие или при слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важную сферу жизни города и уезда – торговлю и организацию кабацкого дела [26, с. 28–43].

Как правило, головы и целовальники избирались на один год и приступали к своим обязанностям с 1 сентября. Выборы, по указаниям Разрядного приказа, организовывал воевода, обязанный следить, чтобы головой и целовальниками стали «самые добрые и прожиточные люди, которых с такое дело будет и которые грамоте умеют». Воевода требовал у выборщиков особый документ – выбор на голову и на целовальников, заверенный подписями избирателей. Большое значение придавалось присяге (целованию креста выбранными лицами), которая производилась в присутствии избирателей [27, с. 44–50].

Значительные события в общественной жизни южной окраины России – выборы на земские соборы, участие в их работе. Выборы организовывал воевода, но не всегда он мог влиять на состав избранных. Как показывает анализ состава выборных от южнорусских городов на земские соборы середины XVII в., эти лица обладали реальным авторитетом в своих городах [28].

Для борьбы с татарами выделялись сотенные головы из числа местных дворян и детей боярских. Сотенные головы во главе конных отрядов выступали в походы и преследовали неприятеля далеко в степи. На эту должность попадали самые опытные местные служилые люди, обладающие реальным влиянием в городе и уезде [29].

Во второй трети XVII в. в связи с крупным оборонительным строительством число городов, сел и деревень в Черноземье увеличилось. В новых уездах возникли объединения детей боярских. В негласной иерархии служилых «городов» они уступали корпорациям, возникшим в конце XVI в. Для верхов дворянства Центрального Черноземья появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, стрелецкими и казачьими головами в новые города Центрального Черноземья.

С середины XVII в. в местном управлении юга России происходили заметные изменения, которые были связаны с новыми историческими условиями: возникновением городов на юге России, заселением их русскими людьми и украинцами, дальнейшим хозяйственным освоением территории.

К 1658 г. сформировался Белгородский разряд как административно-территориальная единица. Его центр находился в Белгороде, некоторое время – в Курске. Возглавлял разряд воевода Белгородского полка, как правило, в чине боярина или окольничего. Одна из крупных фигур на этом посту – князь Г. Г. Ромодановский. Ему подчинялись воеводы городов по Белгородской черте, городов к северу и югу от черты. Главной функцией воевод Белгородского разряда была военная – «бережение от прихода татар». Одновременно белгородский воевода обладал административной и судебной властью в отношении территории Черноземья [30, с. 28–40; 31; 32]. «Гражданские» функции воевод Белгородского разряда мало изучены, но без их характеристики невозможно понять процессы в местном управлении на юге России во второй половине XVII в.

В города Белгородского разряда воеводы назначались в Разрядном приказе, как правило, сроком на два года. Назначение рассматривалось как награда за длительную полковую службу, раны, пребывание в плену, гибель в боях родственников. Служба в качестве воевод, стрелецких и казачьих голов, приказных людей «пригородов» считалась «корыстной», т.е. позволяла улучшать материальное положение служилого человека. В Разрядном приказе возникали своеобразные «конкурсы» претендентов на должности местного управления [33].

С середины XVII в. на юге России возникло деление административных центров на «города» и «пригороды». «Город» – главный административный

центр, возглавляемый воеводой. «Пригород» имел подчиненное по отношению к городу значение. «Пригородами» командовали, как правило, лица рангом ниже, чем воеводы городов. Их называли или приказные люди, или головы. Например, Воронеж имел два «пригорода» – Костенск и Орлов; Козлов – Челнавский, Бельский остроги; Коротояк – Урыв.

На протяжении второй половины XVII в. происходила борьба руководителей «пригородов» за повышение их статуса. Позицию приказных людей «пригородов» усиливала поддержка населения. Жители «пригородов» также стремились освободиться от подчиненности воеводам «городов», если местные приказные люди их устраивали. В ряде случаев правительство шло навстречу пожеланиям с мест. К концу XVII в. самостоятельность «пригородов» возросла, о чем свидетельствует расширение объема компетенции их руководителей [34].

Население русских городов и уездов в XVII в. не являлось лишь пассивным объектом управления, оно активно влияло на состав и деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные. В Воронеже во второй половине XVII в. существовала традиция составления коллективных челобитных на местных администраторов с просьбами или продлить время пребывания в должности воевод, стрелецких и казачьих голов, подьячих, или, наоборот, отстранить их от должности. Подобные челобитные составлялись и в других городах.

В наказах воеводам среди прочего предписывалось: «людям обид, и насильств, и никаких налог не делать, и всяким служилым и жилецким людям на себя изделья всякого делать не велеть». За различные притеснения, «посулы и поминки», несправедный суд воеводе грозила «великая» опала и наказание: «велим на тебе доправить все сполна» [35]. Подобные указания носили в целом декларативный характер и не прекращали злоупотреблений местных властей. Но характеры и методы действий должностных лиц резко различались, что вызывало неоднозначное отношение к ним со стороны местных «миров».

25 марта 1655 г. воронежским воеводой был назначен торопецкий дворянин В. Я. Непейцын, получивший тяжелое увечье в боях – «сечен саблей в четырех местах да переломлена нога ис пищали». Через два года об определении на его место подал челобитную другой торопчанин И. Я. Кушелев. Если В. Я. Непейцын не вызвал против себя исков со стороны воронежцев, то И. Я. Кушелев представлял собой иной тип местного руководителя. В 1658 г. (до 3 сентября) воеводе Белгородского полка кн. Г. Г. Ромодановскому была передана челобитная воронежских дворян, детей боярских, атаманов и беломестных казаков с обвинениями против И. Я. Кушелева.

Челобитчики сообщали, что с каждого воронежского дворянина и сына боярского, атамана и казака И. Я. Кушелев собрал по 25 коп. для себя. С тюремных целовальников и сторожей воевода взял по 1 руб. 50 коп., не считая хлеба и вина. За неотправку в Москву под конвоем воронежца И. Я. Кушелев получил 10 рублей. Приведенного с поличным вора воевода отпустил без наказания, взяв за это 15 рублей. Убийц сына боярского А. Столповского И. Я. Кушелев отпустил из тюрьмы за взятку в 13 рублей.

Кн. Г. Г. Ромодановскому передали челобитную видные представители воронежского дворянства Т. И. Михнев и П. К. Толмачев, находившиеся на службе в Белгороде. Г. Г. Ромодановский направил из Белгорода в Воронеж белгородца А. Иевлева с предписанием принять дела у И. Я. Кушелева и произвести сыск про его злоупотребления.

В Разряд были присланы материалы сыска, произведенного А. Иевлевым. На этом сыскном деле была поставлена резолюция одного из руководителей приказа – назначить на место И. Я. Кушелева в Воронеже С. Хрущева, послать нового сыщика для проведения очных ставок между челобитчиками и воеводой. 27 марта 1659 г. в Разряд поступили две новые коллективные челобитные воронежских дворян, детей боярских, поместных казаков и беломестных атаманов. Их составители подчеркивали, что И. Я. Кушелев смещен с должности по их челобитью. Но сыщик для очных ставок между истцами и И. Я. Кушелевым в Воронеж не прислан, а С. Хрущев не имел оснований задерживать бывшего воеводу в городе. В документе содержалась просьба передать И. Я. Кушелева на поруки, чтобы он не уехал из Воронежа до окончания судебного разбирательства [36, с. 289–292].

Новый воевода С. Хрущев, как и его предшественник, оказался не угоден местному «миру». Против него в Белгороде в 1660 г. воронежскими служилыми людьми была подана очередная коллективная челобитная. В ответ на нее Г. Г. Ромодановский послал в Воронеж сыщика, С. Хрущева приказал выслать в другой город. 20 сентября 1660 г. на место С. Хрущева из Разряда был послан новый воевода [37].

Коллективные петиции с обвинениями должностных лиц составлялись и другими сословными группами. 6 мая 1691 г. в Воронеж прибыл выходец из Пруссии Ю. Шарф, назначенный стрелецким и казачьим головой. В сентябре 1692 г. стрельцы и казаки обратились к царю с челобитной об отзыве Ю. Шарфа. Они писали, что голова «чинит ... многие налоги и грабеж насильной». 2 марта 1694 г. жалобы воронежских стрельцов и казаков вызывал уже новый голова С. Мальцев. Он собирал со служилых людей налог, называемый им «отжинным хлебом», размер которого был значительным – по осьмине ржи с дво-

ра. Челобитчики ранее такой подати не платили. Не знали о подобном налоге и в Разрядном приказе. Его руководители запретили незаконные поборы и потребовали объяснений от головы. С точки зрения московских дьяков голова в данном случае действовал «для своей корысти».

Но «мир» мог бороться не только против, но и за воевод, стрелецких и казачих голов, подьячих. Известен целый ряд совместных обращений в столицу воронежцев (как, впрочем, и жителей других городов и уездов) с просьбой о назначении или продлении пребывания в должности тех или иных лиц. В декабре 1680 г. в Разряд поступила коллективная челобитная из Воронежа. В ней содержались похвалы воеводе М. И. Вырубову, пребывавшему на своем посту второй год и не допускавшему обид местным жителям. Прежде при царе Алексее Михайловиче, отмечали авторы, воеводы находились в городе по три и по четыре года. Они просили продлить воеводство в Воронеже М. И. Вырубова, чтобы им «от частых переменных воевод в лишние тягости и в разорении не быть».

Челобитная заверена 35 рукоприкладствами (подписями), часть из которых представляет лично подписавшихся, часть – иных лиц или группы населения. Поименно названо 65 человек, попросивших поставить подпись вместо себя. Среди подписавших челобитную лично – настоятели монастырей, священник, дворяне и дети боярские, ротмистр, земский староста, грамотные посадские люди. Вместо стрельцов, части полковых казаков, посадских людей (в том числе второго земского старосты) подписались их духовные отцы из числа священников. Приложили руки представители беломестных и полковых казаков, пушкарских десятников и рядовых пушкарей. Таким образом, обращение к царю поддержали представители всех основных сословных групп города и уезда, исключая крестьян и бобылей. Руководство Разряда оказалось в затруднительном положении, так как на место М. И. Вырубова, двухлетний срок пребывания в должности которого истекал 25 марта 1681 г., был назначен кн. И. С. Шаховской. На челобитной нет окончательной резолюции, но предположительно просьбу воронежцев в данном случае не удовлетворили. 3 июня 1681 г. кн. И. С. Шаховской находился в Воронеже в качестве воеводы.

10 августа 1687 г. в Разрядном приказе рассматривалась новая коллективная челобитная из Воронежа, поданная от имени «всяких чинов городских и уездных людей всем городом». В ней отмечалось, что воевода В. И. Лаговчин с радением выполняет правительственные поручения, а в отношении местных жителей не допускает обид, судит «в правду», «бескорысно и безволокидно». Стольник В. И. Лаговчин должен был находиться на должности воеводы с 3 октября 1685 г. по 3 октября 1687 г. Составители

бумаги хотели оставить В. И. Лаговчина воеводой на третий год.

Челобитная заверена 69 рукоприкладствами, которые представляют лично подписавшихся или других лиц и группы населения. Грамотные поставили подписи вместо 606 воронежцев, перечисленных по именам. Как и в предыдущем случае, обращение к правительству поддержали все категории населения (от имени крестьян и бобылей выступали дети боярские). В отличие от 1680 г. в данной челобитной более широко представлены город и уезд. Дети боярские названы с указанием их сел и деревень. Выделено низшее управленческое звено города и уезда: перечислены по именам становой голова Борщевского стана, сельские заказчики и десятники, казаки пятидесятники, стрелецкие пятидесятники, пушкарские десятники.

На место В. И. Лаговчина еще 22 декабря 1685 г. был определен стольник Н. Л. Головкин за смерть отца и за собственные службы. Он заплатил в Печатном приказе пошлину и ждал указанного срока. Известие о коллективной челобитной воронежцев заставило Н. Л. Головкина обратиться в Разряд за подтверждением принятого ранее решения. По его мнению, В. И. Лаговчин сам организовал составление документа в свою поддержку.

Но в Москве не могли игнорировать столь внушительного волеизъявления воронежцев. Поэтому было принято компромиссное решение. Срок пребывания в должности В. И. Лаговчина продлили, но не на год, как просили челобитчики, а на 2 месяца 28 дней. Н. Л. Головкину предписывалось «переменить» В. И. Лаговчина 1 января 1688 г. и быть в воеводах до 1 января 1690 г.

В марте 1690 г. в Разряд поступила необычная петиция из Воронежа. На этот раз ее составители не добивались продления срока пребывания в должности действующего администратора, а хотели повторного назначения воеводы, покинувшего город четыре с половиной года назад. Речь шла о стольнике О. А. Нармацком – воронежском воеводе с 14 сентября 1683 г. по 3 октября 1685 г. Как и в коллективных прошениях 1680 и 1687 гг., в документе отмечалось отсутствие обид местным жителям и бескорыстие воеводы. В то же время авторы челобитной подчеркивали, что все государственные и частные дела О. А. Нармацкий решал быстро, за что неоднократно получал из Москвы грамоты с похвалой. Как особая заслуга воеводы выделялась организация донских отпусков, в чем О. А. Нармацкий противопоставлялся «иным воеводам», допускавшим злоупотребления при посылке запасов донским казакам.

На обороте челобитной 35 рукоприкладств, не все из них в настоящее время можно прочитать из-за плохой сохранности текста. Поименно названо около

150 человек, как правило, без обозначения принадлежности к определенной сословной группе. Окончательной резолюции по данному документу мне не известно, но предположительно просьба челобитчиков осталась без ответа. Повторного пребывания в Воронеже О. А. Нармацкого в качестве воеводы источниками не отмечено [38, 39].

В начале 1690 г. в Москву поступило совместное прошение воронежских дворян и детей боярских о назначении подьячего приказной избы Игнатия Маторина подьячим «со справою». Доводы приводились следующие. В приказной избе много подьячих (согласно разрядной выписке их было 9 человек), но работают они небрежно – учиняют волокиту, теряют документы, вымогают взятки. Чиновники помогают друзьям и мстят недругам, от этого просители терпят неудобства и несут убытки. А присланный из Москвы воевода Н. Л. Головкин не вникает в суть дела, потому что неграмотен. Лишь один подьячий – Игнат Маторин, согласно челобитной, заботится о государственных делах и решает спорные дела по справедливости. Поэтому И. Маторина следует назначить подьячим «со справою», т.е. повысить в должности. В ряду рукоприкладств перечислено 70 человек – дворян, детей боярских, беломестных атаманов и казаков. Челобитная рассматривалась руководителем Разряда Т. Н. Стрешневым, который распорядился утвердить И. Маторина на должности подьячего «со справою». Грамота об этом была составлена 20 февраля 1690 г. [40].

Московские власти пошли навстречу воронежским стрельцам и казакам, которые весной 1696 г. ходатайствовали о продлении на один год срока службы стрелецкого и казачьего головы курянина Х. П. Переверзева. Он находился на должности с 25 мая 1694 г. Срок истекал 25 мая 1696 г. Претендентами на его место были орловец П. С. Анохин и стремянной конюх С. Г. Торпанов. Последний получил назначение в Воронеж. Но, приняв во внимание доводы стрельцов и казаков, отмечавших, что Х. П. Переверзев человек «добрый» и способный выполнять правительственные поручения, Т. Н. Стрешнев распорядился оставить Х. П. Переверзева на третий год [41].

В мае 1697 г. между новым стрелецким и казачим головой С. Г. Торпановым и воеводой Д. Полонским вспыхнул острый конфликт, поводом к которому стало право распоряжаться стрельцами и казаками. Служилые люди не остались безучастными наблюдателями распрей местных начальников. Стрелецкие пятидесятники обратились в Разряд с обличением произвола Д. Полонского и требовали сохранения своей подведомственности стрелецкому голове, а не воеводе. Руководитель Разряда Т. Н. Стрешнев приказал произвести розыск по делу о конфликте воеводы и головы стольнику С. Грибоедову, но подчиненность стрельцов и казаков С. Г. Торпанову была безоговорочно сохра-

нена [42]. Не последнюю роль в этом, видимо, сыграла челобитная стрелецких пятидесятников.

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политически активной части местного «мира».

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились города Белгородского полка, в частности Воронеж. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание обороноспособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. С этих позиций Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения.

В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемого в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромисса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение, с другой – имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли, к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Всё это оказывало влияние на принятие решения.

Для московских учреждений совместная петиция считалась веским аргументом в пользу или против того либо иного администратора. С точки зрения центральных ведомств наиболее значимой являлась коллективная челобитная, поддержанная населением города и уезда – «всем городом».

Понятие «весь город» оставалось достаточно неопределенным. Коллективные челобитные активно использовались в борьбе противоборствующих внутригородских групп. Доводом одной из сторон служило то обстоятельство, что совместная челобитная их соперников подана не от всего «города», о ней не слышали люди, а писалась «на дворе» одного из жителей «немногими советниками». Такие челобитные называли «затейными», «воровскими», «составными». Для проверки обоснованности предъявленных в коллективной челобитной обвинений московские

власти могли назначать повальный обыск, т.е. опрос представителей различных категорий населения, оформленный соответствующим протоколом. В ходе повального обыска выяснялось отношение населения к тому или иному администратору.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление во второй половине XVII в. Параллельно шли процессы бюрократизации и централизации местного управления. Важное значение для понимания изменений в местном управлении России в XVII в. имеют выводы Н. Ф. Демидовой, отметившей, в частности, «известное отставание на местах» процесса бюрократизации по сравнению с центром страны [43, с. 28]. Тем не менее приказное начало усиливалось и в провинции – численность аппарата съезжих изб к концу XVII в. возросла.

Крупной вехой в правительственной политике стал указ от 27 ноября 1679 г., согласно которому власть на местах сосредоточивалась в руках воевод. Другие должности местного управления – губных старост, горододельцев, сыщиков, ямских приказчиков, осадных голов, пушкарских голов, засечных голов, голов у житниц, присылаемых из Москвы сборщиков денег и хлеба – отменялись. Губных старост и других упомянутых должностных лиц разборщикам предлагалось записать в службу. В качестве обоснования такой меры называлась необходимость освободить городских и уездных людей от лишних тягостей в содержании упомянутых должностных лиц. Губные избы во всех городах надлежало сломать. Губное дело передавалось в ведение воевод. Губные подьячие переводились в съезжие избы [44, с. 219–220]. Другой указ от 27 ноября 1679 г. среди прочих ликвидировал губную повинность населения [45, с. 220; 46].

Отношение к губным старостам, осадным головам, головам у житниц на местах было неоднозначным. Тем не менее реформа 1679 г. ущемила местное дворянство. Для него должности местного управления означали возможность влиять на положение дел в своем уезде, альтернатива воеводской власти. Видимо, эти соображения повлияли, когда правительство Софьи Алексеевны в 1684 г. восстановило губных старост и другие отмененные в 1679 г. должности местного управления.

В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения по поводу губных старост. Мценские служилые люди добивались ликвидации должности воеводы и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многие зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросу велась борьба ведомств – Разряда, выступа-

вшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить должность губного старосты на местах. Петр I поддержал Разряд – в 1698 г. в городах Белгородского полка должность губных старост была ликвидирована, а в 1702 г. это произошло по всей стране [47].

В XVI–XVII вв. государство еще не имело возможности решать задачи местного управления, опираясь исключительно на бюрократический аппарат. Эти задачи возлагались на сословия. В местном управлении на разных уровнях принимали участие представители сословий. Они не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие на власть, высказывали свои требования и активно отстаивали их, используя доступные им легальные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII в. : (от Смуты до Соборного уложения) / В. Н. Козляков. – Ярославль, 2000.
2. Ляпин Д. А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. : (историко-генеалогическое исследование) / Д. А. Ляпин. – Елец, 2008.
3. Глазьев В. Н. Воронежское дворянство XVII в. : роль в местном управлении / В. Н. Глазьев // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2000. – Вып. 8. – С. 14–30.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. Д. 87.
5. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII в. / В. Н. Сторожев // Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г. – Воронеж, 1894.
6. Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. / А. А. Новосельский // Ученые записки Ин-та истории РАН ИОН. – М., 1928.
7. Боярская книга 1627 г. – М., 1986.
8. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства / А. А. Танков. – М., 1913. – Приложения.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Кн. Белгородск. ст. Кн. 155. Ч. 1. Л. 279 об.–280 об., 281–283 об., 371.
10. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М. ; Л., 1948.
11. Скобелкин О. В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. / О. В. Скобелкин // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2011. – Вып. 18.
12. Кондратьева С. К. Посадские люди юга России в XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. К. Кондратьева. – Воронеж, 2012.
13. Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII в. / А. И. Раздорский – СПб., 2001.
14. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / подготовка текста, вступ. ст. и прим. В. Н. Глазьева. – Воронеж, 1998.
15. Кондратьева С. К. Земские старосты г. Воронежа в XVII в. / С. К. Кондратьева // Страницы российской истории : сб. науч. ст. – Воронеж, 2006. – С. 38–45.

16. Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. / В. Н. Глазьев – Воронеж, 2007.
17. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. / Е. В. Камараули – Воронеж, 2009.
18. Глазьев В. Н. Губные учреждения в городах юга России в XVII в. / В. Н. Глазьев // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в. – Тверь, 2002. – Ч. 1. – С. 227–235.
19. Наместничьи, губные, земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.
20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. Московск. ст. Д. 153. Л. 78–79.
21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 190. Л. 514.
22. Глазьев В. Н. Воеводы и губные старосты в городах юга России в XVII в. : разграничение полномочий / В. Н. Глазьев // Русь, Россия : Средневековье и Новое время : Вторые чтения памяти академика Л. В. Милова. – М., 2011. – С. 98–101.
23. Глазьев В. Н. Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в. : коллективный портрет воронежских губных старост / В. Н. Глазьев // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001. – С. 80–82.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 157. Л. 29–31.
25. Акты Московского государства (АМГ). – СПб., 1894. – Т. 2, № 315. В публикации назван «Жолугиным».
26. Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. / Т. В. Жиброва. – Воронеж, 2011.
27. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губ. и частью Азова. – Воронеж, 1852. – Кн. 2.
28. Глазьев В. Н. Южнорусские выборные на земские соборы середины XVII века / В. Н. Глазьев // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века. – Воронеж, 2002. – С. 18–36.
29. Андреев И. Л. Сотенные головы в России XVII в. / И. Л. Андреев // Исторические записки : науч. труды ист. фак. ВГУ. – Воронеж, 2000. – Вып. 5. – С. 6–17.
30. Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.
31. Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. / В. Н. Глазьев // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. – С. 116–119.
32. Дудина О. В. Судьи в Белгородском разряде во второй половине XVII в. / О. В. Дудина // Вестник ВГУ. Серия : История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – С. 85–87.
33. Глазьев В. Н. Комплексы документов о назначениях воевод в Разрядном приказе в конце XVII века / В. Н. Глазьев // Источниковедение : поиски и находки. – Воронеж, 2000. – С. 100–109.
34. Глазьев В. Н. «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века / В. Н. Глазьев // Страницы российской истории : сб. науч. ст. – Воронеж, 2005. – С. 15–19.
35. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1908. Л. 33 ; Д. 333. Л. 114–115об. ; Д. 606. Л. 34–35.
36. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в. : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.
37. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. Ст. Д. 449. Л. 60, 60 об.
38. Глазьев В. Н. Коллективные челобитные второй половины XVII века как средство воздействия на местную администрацию : (по воронежским материалам) / В. Н. Глазьев // Общественная и культурная жизнь центральной России в XVII – начале XX века : сб. науч. трудов. – Воронеж, 1999. – С. 138–150.
39. Глазьев В. Н. Два типа городского воеводы в России XVII в. / В. Н. Глазьев // Личность в истории. Личность историка : тезисы Второй региональной научной конференции. – Воронеж, 2008. – С. 26–28.
40. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст. Д. 1527. Л. 168–169, 168 об. – 169 об., 241–243, 933–934, 933 об. – 934 об.
41. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст. Д. 1413. Л. 281–285, 281 об.
42. РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. Дополнит. отд. Д. 98. Столпик 7. Л. 12, 12 об., 32–37. Стрелецкие пятидесятники отмечали, что воевода грозит им кнутом, а также собирает стрелецких жен к смотру «незнаемо для чего».
43. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М., 1987.
44. Полное собрание законов (ПСЗ). – Т. 2. – № 779.
45. ПСЗ. – Т. 2. – № 780.
46. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 939. Л. 349–351.
47. Глазьев В. Н. Осуществление реформ местного управления 1679 и 1684 гг. на юге России / В. Н. Глазьев // Клио : журнал для ученых. – СПб., 2002. – № 2 (17). – С. 135–140.

Воронежский государственный университет

*Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета*

*E-mail: vng@main.vsu.ru
Тел.: 8(473) 221-27-47*

Voronezh State University

*Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty*

*E-mail: vng@main.vsu.ru
Tel.: 8(473) 221-27-47*